

ОТЗЫВ

доктора исторических наук Ирины Борисовны Беловой, профессора кафедры истории Института истории и права ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского» на диссертацию
Ивана Игоревича Родионова «Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 годы», представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история

Серьёзный кризис международных отношений, переживаемый, увы, в настоящее время мировым сообществом, резко актуализировал целый комплекс проблем, сопутствующих вооружённым конфликтам. В их числе проблемы, связанные с задержанием воюющими государствами лиц неприятельской стороны и ограничением их свободы с целью исключения дальнейшего участия в военных действиях, т.е., говоря иными словами, проблемы военного плена и военнопленных. Исследуемая диссидентом проблематика лежит на пересечении военной и социальной истории, истории повседневности, что придает работе многоаспектный, комплексный характер.

Несмотря на то, что целый век отделяет нас от событий советско-польской войны, до сих пор большой массив источников по проблеме военнопленных обеих сторон этой войны не систематизирован и не проанализирован всесторонне в должной мере. Как следствие, отсутствует и компаративный анализ положения военнопленных красноармейцев в Польше и польских военнопленных в Советской России. Кстати сказать, объектом специальных научных изысканий военнопленные вооружённых конфликтов первой четверти XX в. стали в России лишь с началом 1990-х гг. Вполне очевидно теоретическое и практическое значение такой работы, включая и возможность использования её результатов в качестве основы для последующих научных изысканий. Таким образом, диссертационное исследование И.И. Родионова посвящено теме, без всякого сомнения, актуальной и, конечно, непростой, требующей от исследователя кропотливой работы с источниками и качественного их анализа.

Во введении автор отметил, что собирается выявлять «сходство и различия содержания пленных в Польше и России» (С. 3). Между тем **целью исследования** он определил «комплексное изучение положения польских военнопленных – участников польско-советской войны – в лагерях Центральной России в 1919–1922 гг.» и выделил шесть исследовательских **задач**, в число которых, однако, не вошло выявление «сходства и различия содержания пленных в Польше и России». Автор может пояснить, по какой причине он поступил именно таким образом?

Хронологические рамки диссертации – февраль 1919–ноябрь 1922 г. – возражений не вызывают. В разделе **методологическая основа работы** автор указывает, что основными методологическими принципами исследования выступает «объективность, партийность, историзм» (С. 5). Хотелось бы получить разъяснение диссертанта, как он понимает принцип партийности и каким образом реализует его в своей работе?

Представленный И.И. Родионовым **историографический обзор**, а также список использованной литературы свидетельствуют о том, что диссертант хорошо знаком с последними достижениями отечественной и зарубежной историографии по заявленной проблематике. Автор справедливо отмечает, что в имеющихся современных отечественных исследованиях рассматриваются лишь отдельные аспекты проблемы, целостная же картина положения польских военнопленных в российских лагерях в 1919–1922 гг. отсутствует.

Вместе с тем бросается в глаза, что треть историографического раздела диссертации отведена рассмотрению работ, посвященных положению красноармейцев в польском плену (С. 9–12, 14–16), хотя, как было сказано выше, диссертант не ставит перед собой исследовательскую задачу сравнения положения русских и польских военнопленных.

Характеризуя работу польского историка Вальдемара Резмера, в которой тот описывает положение польских военнопленных в советских лагерях и отмечает, что оно было нисколько не лучше, чем красноармейцев в лагерях Польши, И.И. Родионов назвал доказательную базу польского автора «слабой и нередко публицистической» (С. 14), однако не привел никаких доказательств в обоснование своей оценки. В чём конкретно заключается «слабость» доказательств польского историка: их недостаточно или В. Резмер их не обосновал? Что здесь автор может привести в качестве примера?

Источниковая база работы свидетельствует о том, что автором в процессе исследования были изучены обширные архивные и опубликованные материалы, которые в итоге были разделены на 4 группы. Диссертантом привлечены документы из 3 архивохранилищ Москвы (ГА РФ, РГАСПИ, РГВА) и 10 региональных, относящиеся к проблематике диссертации, показана их исследовательская ценность.

Структура работы логична и оптимально отвечает цели исследования: автор последовательно характеризует нормативно-правовое регулирование режима военного плена и деятельности лагерей военнопленных, пребывание в них польских военнопленных и затем процесс их депортации на родину. Исследование включает в себя введение, три главы, разделенные на

параграфы, заключение, список источников и литературы, 36 приложений, поясняющих основной текст диссертации.

В первой главе приведены количественные данные о военнослужащих польской армии, попавших в плен на различных этапах советско-польской войны, представлены схема и процесс их этапирования с фронта в центр России, характеризуется возникновение и эволюция под влиянием реалий войны нормативно-правой базы государственной системы управления лагерей.

Автор отмечает, что лагеря губерний центральной России, в которых размещались польские военнопленные в период 1919 – начала 1920 г., в основном являлись лагерями так называемого смешанного типа. Диссертант объясняет эту ситуацию недостатком помещений и нехваткой кадров (С. 43). Из-за притока военнопленных возникла необходимость организации для них новых лагерей.

Отдельное место занимает сюжет о социальном портрете польских военнопленных (С. 55–65). И.И. Родионов приходит к небезынтересному выводу о том, что «полученный социальный портрет польских военнослужащих эпохи польско-советской войны показывает определенную динамику модернизационных процессов, происходивших в Польше на протяжении 20 лет, предшествовавших войне».

Во второй главе рассматривается пребывание польских военнопленных в лагерях центральной России. Сведения об условиях содержания польских пленных стали собирать с середины 1920 г., когда заработали соответствующие инспектирующие органы, отмечает диссертант. Необычен подход автора по реконструкции условий жизни военнопленных, основанный преимущественно на описании внешнего вида помещений лагерей – казарм, бараков, монастырских келий и др. (С. 83–89).

Автор приводит данные из доклада представителя Польревкома М.Ю. Лещинского от сентября 1920 г., посетившего семь лагерей польских военнопленных, который отмечал, что не все польские военнопленные содержались отдельно от спекулянтов и контрреволюционных элементов (С. 89).

Параграф 2.3. посвящен агитационно-пропагандистской работе в лагерях среди польских военнопленных, которую вели политические инструкторы по линии Польского бюро ЦК РКП(б). Диссертант констатирует, что политические инструкторы не смогли превратить «многих польских военнопленных» в сторонников советской власти, но способствовали приобщению пленных к коммунистическим идеям, повышали их культурное и политическое развитие (С. 135–136).

Глава третья посвящена реконструкции репатриации польских пленных. Обсуждение вопроса обмена военнопленными велось воюющими сторонами с конца 1919 г. По соглашению о репатриации между РСФСР, УССР и Польшей, подписанному в итоге 24 февраля 1921 г., обмену подлежали военнопленные по принципу «все на всех» (С. 142). Автор отмечает, что проведение репатриации военнопленных нередко затруднялось рядом обстоятельств. Были случаи задержки отправки из-за неудовлетворительных условий эвакуации. Репатриация военнопленных осложнялась и позицией польского правительства, которое не выполняло условий договора о высылке из страны белогвардейцев, делало заявления ультимативного характера, и советская сторона в знак протesta приостанавливала отправку военнопленных. Польские пленные иногда даже сами добирались до Москвы: от 10 до 20 человек еженедельно (С. 154). В начале осени 1922 г. процесс репатриации был фактически завершен.

В **заключении** автор подводит итоги исследования, формулирует основные выводы.

Признавая соблюдение автором основных требований к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, следует отметить и ряд неясностей и противоречий, присущих данному диссертационному исследованию, а именно:

1. Предметом диссертационного исследования, с точки зрения И.И. Родионова, выступает «*положение польских военнопленных в лагерях Центральной России в 1919–1922 гг. вплоть до завершения процесса репатриации*», что вообще-то является объектом исследования. Но объектом диссертационного исследования автор обозначает «*военнопленных различных военно-политических лагерей в Советской России в период Гражданской войны 1919–1922 гг.*». Хотелось бы получить объяснения диссертанта по поводу объекта и предмета исследования, а также по поводу того, что он, с учетом цели исследования, имел в виду под «*военнопленными различных военно-политических лагерей?*»

2. Территориальные рамки работы – восемь губерний Европейской России (Смоленская, Брянская, Орловская, Тульская, Калужская, Рязанская, Ярославская, Московская) и г. Москва возражений не вызывают. Однако тезис диссертанта о том, что «*в этих губерниях, включая Москву, было сосредоточено более половины всех лагерей с польскими военнопленными*» (С. 5) нуждается в серьезной доказательной базе. Например, из списка лагерей, в которых находились польские военнопленные, составленном на 20 декабря 1920 г., следует, что всех лагерей с польскими военнопленными насчитывалось в избранном диссертантом регионе 26, общее же их

количество в России составляло более 60 (См.: документ № 147 (С. 197–198) сборника документов «Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): документы и материалы / публ. подг. И.И. Костюшко» (М., 2004). Документы указанного сборника, кстати, многократно цитируются диссидентом на протяжении всего исследования. Если говорить о численности польских военнопленных, то в лагерях губерний, обозначенных в территориальных рамках диссертации, количество военнопленных составляло одну треть от их общего количества (Подсчитано по вышеуказанному документу № 147).

3. Говоря в первой главе о количестве лагерей в Центральной России, где находились военнопленные поляки, автор на С. 45 пишет: «В целом к октябрю 1920 г. в губерниях центральной России была создана значительная сеть лагерей для размещения польских военнопленных, по данным документа Польского бюро ЦК РКП(б), состоящая из 23 учреждений (см. табл. № 2)». Однако, как следует из заголовка и содержания этой таблицы, в ней представлен список из 23 губерний, в которых находились военнопленные поляки на территории *всей России*. Так, в перечне губерний есть Енисейская, Томская, Уфимская, Екатеринбургская, Челябинская и др. губернии, Донская область и Мурманский край, которые не входят в состав центральной России. У рецензента возникает естественный вопрос: 23 губернии или 23 учреждения? Если это 23 учреждения в губерниях, входящих в территориальные рамки диссертации, то об этом и надо сказать, обозначив эти губернии и количество лагерей в каждой из них. Указанный выше документ № 147 позволяет произвести такой подсчёт.

4. Взаимосвязан с предыдущим и вопрос о сроках создания и типах созданных лагерей. Диссидент на С. 48 и 78 делает вывод о том, что «в целом советской администрации удалось в короткие сроки создать *сеть – вполне обустроенных лагерей для польских военнопленных* (курсив мой. – И.Б.), что особенно выделялось на фоне общей инфраструктурной разрухи времен Гражданской войны и интервенции». Однако таких лагерей, где были исключительно польские военнопленные по всей России было 23 на конец декабря 1920 г., тогда как лагерей со смешанным составом было 40 – это в основном лагеря принудительных работ (Снова см. документ № 147 (С. 197–198) вышеуказанного сборника документов «Польские военнопленные в РСФСР...»). Здесь требуется пояснение диссидентата, а именно: «*вполне обустроенные лагеря*» – это только лагеря для военнопленных советско-польской войны (их было 23 по всей России) или и остальные 40 лагерей смешанного типа, т.е. все лагеря, где находились польские военнопленные, были *вполне обустроеными* или нет?

5. Говоря о численности польских военнопленных, автор обращается к докладу ПУРа от 11 сентября 1920 г., где, как цитирует автор, «называлась общая цифра по данным 23 лагерей – в них находилось около 30 тысяч человек <...> точная цифра не могла быть указана, поскольку ни Центрэвак, ни Главное управление принудительных работ не имели полного списка лагерей и мест их расположения» (С. 49). Здесь диссертант ссылается на документ № 66 сборника документов «Польские военнопленные в РСФСР...». Однако в указанном документе приведенные диссертантом данные отсутствуют. Что он думает по этому поводу?

6. В § 1.1. «Создание лагерной сети для польских военнопленных» (С. 29–66) *отсутствует обобщение и аргументированный вывод* по основному вопросу о создании лагерной сети для военнопленных. А приведённые вместо них на С. 54–55 извлечения из II Женевской и IV Гаагской конвенций не имеют прямого отношения к созданию лагерной сети для военнопленных в данном конкретном регионе.

7. Вывод о том, что условия содержания советских военнопленных в польских лагерях были «тяжелыми» и на таком фоне условия содержания польских военнопленных в лагерях центральной России были «намного лучше фактически по всем параметрам» автор сделал в начале второй главы, посвященной вопросу об условиях содержания польских военнопленных (С. 83). Диссертант дословно повторил этот вывод и в конце главы (С. 133–134). Это выглядит более чем странно.

Несмотря на то, что автор повторил дважды указанный вывод, он *фактически не дал оценку условиям содержания* польских военнопленных в лагерях обозначенных им восьми губерниях центральной России. Ведь при указанной выше формулировке автора условия содержания польских военнопленных в российских лагерях на самом деле могли быть тяжелыми (неудовлетворительными), но «намного лучше», чем советских военнопленных в Польше, а также удовлетворительными или «вполне хорошиими», и все это будет «намного лучше», чем в польских лагерях.

8. Исследуя условия быта пленных в (§ 2.1. на С. 90–91), диссертант пишет: «По состоянию на ноябрь 1920 г. в 15 лагерях, по которым были собраны сведения, условия пребывания польских военнопленных оценивались проверочными комиссиями следующим образом: в 47% лагерей помещения хорошие, 47% – удовлетворительные и неудовлетворительные, по 6% помещений у Польского отдела ПУР не было сведений» и ставит ссылку на документ № 111 (таблица), расположенный на С. 146–147 сборника документов «Польские военнопленные...».

Посмотрим, что же это за документ? Документ № 111 действительно представляет из себя таблицу, характеризующую материальные условия 15 лагерей (число людей, помещение, пища, постель, одежда, белье, обувь, санитарное состояние) путём условных обозначений («0» – плохо или отсутствует, «–» – неудовлетворительное или неполное снабжение, «+» – хорошее или полное снабжение, «=» – сведений нет). По одному из 15 лагерей – Покровскому – сведений в таблице нет, значит, были собраны сведения по 14 лагерям. Далее: 4 лагеря, а именно: Иваново-Вознесенский, Кинешемский, Вятский и Саратовский – не входят в территориальные рамки исследования. Следовательно, в таблице реально приведены сведения лишь о 10 лагерях, расположенных на исследуемой в диссертации территории. Среди этих 10 лагерей нет Смоленского и Рославльского, Бежицкого и Рязанского.

После таблицы в документе имеются данные, содержащие критерии оценки материальных условий лагерей. Так, помещение считали хорошим «+», если оно не было перегружено людьми, в противном случае оно считалось неудовлетворительным «–». Так что никакие другие условия жизни в этих помещениях, даже отопление, не учитывались. Но И.И. Родионова эти факты почему-то не смущают, и он уверенно пишет о 15 лагерях и посчитанных им 47 % «хороших» лагерных помещений в центральной России.

Диссертант даже как бы и не видит текста, размещенного после таблицы, где польский отдел ПУРа, анализируя таблицу, констатирует: «Как видно из указанных данных только в Саратовском и Вятском лагерях (*не относящихся к центральной России. – И.Б.*) положение военнопленных в общем удовлетворительное<...>». После таблицы приведены также данные о заболеваемости, например, на Побединских каменноугольных копях (Рязанская губерния) – «огромный процент тифозных», в самой же таблице в графе «санитарное состояние» этого лагеря стоит условное обозначение «=», т.е. сведений нет. Или, к примеру, в таблице продовольственное снабжение («пища») в Ярославском лагере оценена значком «+», т.е. «хорошее или полное снабжение». Здесь следует отметить, что продовольственное снабжение считалось хорошим, если положенный паёк выдавался полностью. При этом качество продуктов, постоянно ухудшавшееся количество основных продуктов в пайке не принималось во внимание. В отчете политинструктора о положении в Ярославском лагере на декабрь 1920 г. (документ № 159, С. 219–220) читаем, в частности: «<...> Пища из гнилой картошки и вышеуказанное антисанитарное положение довело до того, что больше половины военнопленных насилиu влечит за собой ноги. Предвидятся

цинготные заболевания». Это только два примера несоответствия между условным обозначением в таблице «+» и реальным положением дел в том или ином лагере, которое при желании можно было выяснить, познакомившись и проведя сравнительный анализ с остальными документами сборника «Польские военнопленные...», см., например, документы № 86, 94, 96, 97, 98, 101, 125, 127, 129, 140, 197, 248 и др.

Обобщая на С. 109 тему условий быта, автор, перечислив виды помещений, использовавшихся для размещения польских военнопленных (казармы, бараки, «нормальные капитальные строения»), не сделал вывода об условиях жизни в этих помещениях, на которые жаловались практически все польские военнопленные, судя по отчетам политинструкторов лагерей и данным современной отечественной историографии. На основании вышеизложенного, представляется, что диссертантом поверхностно освещен вопрос условий быта польских военнопленных.

9. Взаимосвязаны с предыдущим и вопросы питания, обеспечения обмундированием и медицинского обслуживания. Следует отметить, что в тексте диссертационного исследования приведены преимущественно нормы пищевого довольствия, а реальность, заключавшаяся в том, что военнопленные голодали, освещена слабо. Кроме того, автор в качестве доказательной базы на С. 94, 98 снова приводит таблицу о положении в 15 лагерях (документ № 111), об информативности и полноте которой уже говорилось в предыдущем пункте. Заметим, что в историографии вопрос о питании пленных освещен по Тульскому, Рязанскому, Брянскому, Бежицкому лагерям, где показано, что и без того скучные лагерные нормы пайка не соблюдались, а пленные постоянно жаловались на голод.

Описывая удручающее состояние в деле обеспечения польских пленных одеждой и обувью, автор на С. 98 отмечает, что начиная с конца сентября 1920 г., материальное положение военнопленных стало улучшаться и ссылается на один из документов РГАСПИ. Однако прямо противоположные данные приведены, к примеру, в документах № 11, 125, 157, 248 (относящихся к концу 1920–1921 гг.) сборника документов «Польские военнопленные...», а также в исследованиях, приведенных диссидентом в списке литературы. В связи с этим указанный вывод соискателя нельзя считать обоснованным.

10. Требует пояснения диссидентант приведенное им на С. 108 и 110 количество умерших поляков в лагерях: «В лагерях процент умерших польских военнопленных колеблется от 3 до 7 % от общей их численности. По имеющимся спискам, в лагерях Центральной России умерло 499 польских

военнопленных». Во-первых, исходя из ссылки, которую ставит автор, это данные по 8 из 26 лагерей центральной России. Во-вторых, непонятно, за какой период эти данные? А, в-третьих, «от 3 до 7 %» – это сколько?

11. В § 2.2. о трудовом использовании польских пленных автором приведены *нормативы* об оплате труда и снабжении военнопленных. Однако о *реальном положении* дел в этой области не сказано практически ничего, например, о нарушениях в сфере оплаты труда, об условиях, в которых работали военнопленные, не имевшие соответствующей одежды и обуви, получая питание, не покрывавшее физиологические потребности организма.

12. Как известно, агитационная работа в лагерях силами политинструкторов велась с целью превращения массы беспартийных военнопленных в приверженцев коммунистической идеологии. Однако политработники отмечали отсутствие у военнопленных интереса к постижению политической грамоты и прямо называли причины этого феномена. Но автор о причинах этого явления не задумывается.

13. Говоря в § 2.3. об агитационно-пропагандистской работе в лагерях среди польских военнопленных диссертант приводит данные о том, что «в 12 лагерях были созданы школы: или общеобразовательные («школы грамоты»), или политической грамоты. <...> Общее число обучающихся в школах составляло 629 человек» (С. 130). Однако в документе № 157 сборника документов «Польские военнопленные...», на который ссылается автор, написано не так. Там сказано о создании общеобразовательных школ в 12 лагерях, где общее число обучающихся 629, и создании школ политической грамоты в 6 лагерях, численность обучающихся в которых в документе не приводится. Есть разница? Хотелось бы получить объяснение автора по этому поводу.

14. По мнению диссертанта, «одним из результатов общей идеологической и информационной работы с польскими пленными, включая и этап депатриации, стало немалое число так называемых польских «невозвращенцев»: от двух до трех тысяч (по разным данным) польских военнопленных остались жить в Советской России» (С. 157). По каким данным, и кем это посчитано? Если подсчет произведен диссертантом, то почему не указано, на основании каких источников? А, если это данные профессора В. Резмера (см. С. 13 диссертации), то почему диссертант на него здесь не ссылается?

Конечно, недостатки, изложенные в отзыве, сказываются на качестве представленного диссертационного исследования. Но всё же критические соображения и замечания не отменяют в целом положительного отношения к проделанной соискателем работе. Можно констатировать, что

представленная диссертация является актуальным и самостоятельным исследованием. Текст диссертации, а также публикации И.И. Родионова вносят свой определённый вклад в развитие исторических представлений о положении военнопленных польской армии в лагерях центральной России в 1919–1922 г. и истории советско-польской войны в целом. Автореферат в полной мере отражает содержание диссертационного исследования.

Таким образом, представленная к защите диссертация И.И. Родионова «Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 гг.» соответствует требованиям, изложенным в пп. 9–14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 11 сентября 2021 г. № 1539), а её автор – Иван Игоревич Родионов, заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории
Института истории и права ФГБОУ ВО
«Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского»

Ирина Борисовна Белова

«21» марта 2022 г.

Личную подпись докт. ист. наук, профессора кафедры истории КГУ им. К.Э. Циолковского И.Б. Беловой удостоверяю

Ректор КГУ им. К.Э. Циолковского

М.А. Казак

«21» марта 2022 г.

Сведения об организации:

248023, г. Калуга, ул. Ст. Разина, 26,
ФГБОУ ВО «Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского»
Тел.: 8-4842-57-61-20
E-mail: irina-25.01@mail.ru